

ПОИСКИ И НАХОДКИ

СОЖЖЕННАЯ
РУКОПИСЬ

4 марта исполняется 125 лет со дня смерти великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя. Сегодня мы печатаем статью Василия Осокина, основанную на малоизвестных материалах. Исследователь высказывает свою гипотезу о последних трагических днях жизни Н. В. Гоголя.

Василий ОСОКИН

4 МАРТА (21 февраля по старому стилю) 1852 г. около 8 часов утра в Москве умер великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь.

Безвременная кончина Гоголя на 43-м году жизни вскоре после гибели Пушкина и Лермонтова не могла не настораживать. По городу, а потом и по всей России поползли слухи о том, что и в этой смерти есть своя роковая тайна.

С той поры минуло 125 лет. Исследования и разыскания литературоведов приоткрыли завесу.

Гоголь, не имевший в Москве своего жилья, в декабре 1848 г. переехал от историка М. П. Погодина на квартиру графа Александра Петровича Толстого (Никитский, ныне Суворовский бульвар, д. 7а). Но и на новой квартире Гоголь чувствовал себя стесненным. Муж и жена Толстые отличались религиозным ханжеством, дом кишел священниками и монахами, то и дело слышались заунывные псалмы.

Несмотря на это, Гоголь упорно работал. Близко знавший его доктор А. Т. Тарасенко писал впоследствии:

«...казалось, что он был веселее обыкновенного; притом он нередко выходил со двора, навещал знакомых, даже бывал иногда на обедах. Деятельности в нем в это время обнаруживалось больше, нежели прежде... В последние месяцы своей жизни Гоголь работал с любовью и рвением почти каждое утро до обеда (4-х часов), выходя со двора для прогулки только на четверть часа, и вскоре после обеда по большей части уходил опять заниматься в свою комнату».

В первых числах февраля 1852 г. к А. П. Толстому приехал его близкий единомышленник, ржевский священник Матвей Константиновский. 4 февраля он пришел к Гоголю, занимавшему две комнаты нижнего этажа, и резко говорил с ним о чем-то. Утром следующего дня Гоголь проводил его до вокзала. С этого момента он тяжело заболел нервным расстройством и уже не поправился.

Что же за человек был Константиновский, что связывало Гоголя с ним, о чем, наконец, говорили они 4 и 5 февраля 1852 года?

После смерти Константиновского (1857) русские церковники поднимали вопрос о его канонизации — причислении к лику святых. Однако фигура эта оказалась столь одиозной, что вопрос о канонизации отпал.

Зловещая роль Константиновского в судьбе Гоголя очевидна.

Гоголь вступил с ним в переписку в 1847 г. по рекомендации А. П. Толстого (писатель задумал ввести образ священника во второй том «Мертвых душ»). Граф рекомендовал его как мудрого человека высоких нравственных убеждений. Но вот что писал о нем беллетрист И. Щеглов:

«...за три года пастырства о. Матвея шумное и веселое село нельзя было узнать: мирские песни и игры в селе почти прекратились... даже малые дети в своих детских сборищах стали распевать исключительно тропари и кондаки... Для чего же, спрашивается, существует после этого в мире... радостное дыхание весны, любовь, звонкий детский смех и раздольная русская песня?»

Из разного рода документов ярко вырисовывается личность Константиновского — иступленного фанатика и изувера.

В журнале «Тверские епархиальные ведомости», № 5 за 1902 г. появились воспоминания протоиерея Ф. И. Образцова. Они-то и приоткрыли тайну над тем, что происходило между Гоголем и священником Матвеем вечером 4 февраля 1852 г. Образцов воспроизводит случайно слышанный им разговор Матвея с литератором Т. И. Филипповым.

«— Вас обвиняют, что как духовный отец Гоголя вы запретили писать ему светские творения», — заявил Филиппов. Матвей запротестовал, но вскоре невольно проговорился:

«— Правда, я советовал ему напечатать что-нибудь о добрых людях, то есть избранных людей положительных типов, а не отрицательных, которых он так талантливо изображал. Он взялся за это дело, но неудачно».

Тогда Филиппов поставил вопрос прямо:

«— Говорят, что вы посоветовали Гоголю сжечь второй том «Мертвых душ»?»

Матвей поспешно воскликнул:

«— Неправда и неправда... Гоголь имел обыкновение сжигать свои неудавшиеся произведения и потом снова восстанавливать их в лучшем виде. Да едва ли у него был готов второй том; по крайней мере, я не видел его. Дело было так: Гоголь показал мне несколько разрозненных тетрадей с надписями: глава, как обыкновенно, писал он главами. Помню, на некоторых было надписано: глава I, II, III, потом, должно быть, VII, а другие были без означения; просил меня почитать и высказать свое суждение. Я отказывался, говоря, что я не ценитель светских произведений, но он настоятельно просил, и я взял и прочел. Но в этих произведениях был не прежний Гоголь. Возвращая тетради, я воспротивился опубликованию некоторых из них... Я воспротивился опубликованию этих тетрадей, даже просил уничтожить».

Таким образом, сам того не замечая, Матвей Константиновский признался, что он приложил руку к уничтожению второго тома. Но этого мало. В пылу беседы Матвей неосторожно дошел и до признания каких-то явно преступных действий в отношении Гоголя.

«О. Матвей, — писал протоиерей Образцов, — потребовал от Гоголя отречения от Пушкина. «Но было и еще...», прибавил о. Матвей... «Врача не обвиняют, когда он по серьезности болезни прописывает больному сильные лекарства». Такими словами закончил о. Матвей разговор о Гоголе».

«Сильные лекарства» подействовали. Организм Гоголя был потрясен до основания...

Последний, чистовой вариант рукописи II тома «Мертвых душ» Гоголь сжег в ночь с 11 на 12 февраля 1852 г. в состоянии нервного припадка вскоре после «беседы» Константиновского. Существует мнение, что сделал он это сознательно, не удовлетворенный своим творением и убежденный доводами Матвея.

Но так ли это?

В пятой книге журнала «Москвитинин» за 1852 г. появилась заметка Погодина «Кончина Гоголя», и там были такие подробности:

«Ночью, на вторник, он долго молился один в своей комнате. В три часа призвал своего мальчика и спросил его: тепло ли в другой половине его покоев. «Свежо», отвечал тот. «Дай мне плащ, пойдём: мне нужно там распорядиться». И он пошел, с свечой в руках, крестясь во всякой комнате, через которую проходил. Пришел, велел открыть трубу, как можно тише, чтоб никого не разбудить, и потом подать из шкафа портфель. Когда портфель был принесен, он вынул оттуда связку тетрадей, перевязанных тесемкой, положил ее в печь и зажег свечой из своих рук. Мальчик, догадавшись, упал перед ним на колени и сказал: «Барин, что вы это, перестаньте!» — «Не твое дело», — отвечал он молясь. Мальчик начал плакать и просить его. Между тем, огонь погасал, после того как обгорели углы у тетрадей. Он заметил это, вынул связку из печки, развязал тесемку и уложил листы так, чтобы легче было приняться огню, зажег опять и сел на стуле перед огнем, ожидая, пока все сгорит и истлеет... Поутру он сказал гр. Т.: «Вообразите, как силен злой дух! Я хотел сжечь бумагу, давно уже на то определенные, а сжег главы «Мертвых душ», которые хотел оставить друзьям на память после своей смерти».

«Гр. Т.» — это граф А. П. Толстой, со слов которого и написал Погодин некролог. В погодинских бумагах было найдено письмо Толстого, выражавшего досаду, что Погодин воссоздал слова Гоголя о непреднамеренности, нечаянности сожжения беловика второго тома:

«Это сказано было мне одному без свидетелей. Я мог бы об этом не говорить никому, и, вероятно, сам покойный не пожелал бы сказать это всем. Публика не духовник, и что поймет она в такой душе, которую и мы, близкие, не разгадали. Вот и еще замечание: последние строки портят всю трогательность рассказа о сожжении бумаг».

На это письмо, избличающее ханжеское лицемерие и лживость А. П. Толстого, Погодин резонно и учтиво возражал:

«Я сам долго думал, почтенный граф Александр Петрович, о тех строках, кои оставили на себе Ваше внимание. Мне не хотелось внутренне помещать их. Но имеем ли мы право замолчать их? Они заключают черту важную, без коей историческое изображение неполно, следовательно, не верно».

Почему Толстой так досадовал? Да потому, что признание Гоголем ошибочности сожжения беловика доказывало, что он не вял Константиновскому, не уничтожил сатирическую направленность рукописи.

В 1855 г. вышли в свет «Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти», в том числе черновики первых четырех глав второго тома с частью еще одной главы (одинадцатой) «Мертвых душ». 1 мая 1852 г. А. П. Толстой вместе с другими гоголевскими бумагами передал их душеприказчикам — проф. Шевыреву и московскому губернатору Капнисту. 2 месяца и 8 дней был он полным хозяином бумаг.

Если Гоголь вместо черновиков по ошибке уничтожил чи-

Н. В. Гоголь сжигает второй том «Мертвых душ».

Гравюра по рисунку М. Клодта. (Фрагмент). 1892 г.

стиков, то почему из одиннадцати черновых глав уцелели только четыре первые с куском последней? Александр Толстой, будучи в курсе дел Гоголя, не мог не знать, что содержание этих первых четырех глав хорошо известно определенным лицам, которым писатель их читал. Это содержание наверняка передали бы разного рода воспоминания, мемуары, которые вскоре должны были появиться (и появились-таки!) в печати. А вот содержания семи остальных глав почти никто не знал. Создавались они в доме Толстого. Не мог ли Толстой надежно запрятать их или вовсе уничтожить ввиду их безусловно сатирической, обличительной направленности?

Что мы знаем о А. П. Толстом, чтобы высказать подобного рода подозрение?

А. О. Смирнова-Россет, близкая знакомая Гоголя, Пушкина, Жуковского, рисует его в крайне неприглядном свете. Как и Константиновский, Толстой юродствовал во Христе.

Не так давно советские литературоведы в одном из архивов обнаружили любопытное письмо Александра Толстого к сестре, как раз о разборе им гоголевских бумаг:

«Я не знаю достаточно Шевырева, чтобы доверить ему это дело без меня и оставить его одного хозяином этих бумаг, тем более, что я нахожу и извлекаю мои письма и также ваши, мой дорогой друг».

Не логично ли предположить, что Толстой с такой бесцеремонной легкостью мог «извлечь» и другие документы?

Ну, а что же мы знаем о несохранившихся главах?

В журнале «Русский вестник» (№ 1, 1862 г.) появились воспоминания Л. Арнольди «Мое знакомство с Гоголем». Здесь рассказывалось об одной из читок Гоголя у Смирновой-Россет. Про первую главу беловика Арнольди писал:

«Сколько мне помнится, она начиналась иначе и вообще была лучше обработана, хотя содержание было то же... Мастерскую кистью описан был сад, каждая ветка на деревьях, палящий зной в воздухе, кузнечики в траве и все насекомые, и наконец все то, что чувствовал Тентетников, счастливый, любящий и взаимно любимый. Я живо помню, что это описание было так хорошо, в нем было столько силы, колорита, поэзии, что у меня захватывало дыхание. Гоголь читал превосходно...»

В журнале «Русская старина» (№ 12, 1873 г.) была опубликована статья Д. Оболенского «О первом издании посмертных сочинений Гоголя», где приводился ряд новых важных деталей рукописи второго тома, и в частности такие:

«...в то время, когда Тентетников, пробужденный от своей апатии влиянием Улиньки, блаженствует, будучи ее женихом, его арестовывают и отправляют в Сибирь; этот арест имеет связь с тем сочинением, которое он готовил о России, и с дружбой с недоучившимся студентом с вредным либеральным направлением. Оставляя деревню и прощаясь с крестьянами, Тентетников говорит им прощальное слово (которое, по словам Шевырева, было заме-

чательное художественное произведение). Улинька следует за Тентетниковым в Сибирь, — там они венчаются и проч.»

Некоторые новые сведения о втором томе сообщила также А. Смирнова-Россет. Совершенно не известную нам фигуру штабс-капитана Ильина упомянул в одной из записок к Гоголю Шевырев. Вот почти и все сведения, почерпнутые из мемуаров лиц, слышавших гоголевское чтение беловика. Нет никакого сомнения, что беловик существовал в единственном экземпляре и Гоголь сжег его по ошибке вместо черновиков в ночь с 11 на 12 февраля 1852 г.

Другое дело черновики. Они хранились в комнатах Гоголя на Никитском бульваре. Тут вполне возможны и в самом деле сделаны находки.

Автору этих строк удалось разыскать «утонувшую» в груде материалов о Гоголе журнальную статью его биографа В. Шенрока. Вот что тот писал в журнале «Киевская старина» за 1902 г.:

«В февральской книжке «Исторического вестника» напечатана часть спасенных рукописей и приложены факсимиле. Тем не менее считаю не лишним сказать слова два об их истории. Спасением их мы обязаны покойному М. П. Погодину, который, узнав от слуги Гоголя, во время предсмертной болезни писателя, что он истребляет свои черновые бумаги, поспешил приехать к больному приятелю и незаметно для него подобрал разрозненные клочки, положил их в наволочку, а последнюю в чемодан Гоголя и увез к себе. Последствием он принял за разбор этого хаоса, но применил не вполне практичный способ: он подбирал куски по смыслу, но это оказалось так трудно и сложно, что, не достигнув результата, Погодин эту работу оставил. После смерти его бумаги перешли к такому ныне покойному академику Кулику (В. Шенрок имеет в виду, наверно, академика Куникова — В. О.) и, наконец, к П. Я. Дашкову, догадавшемуся применить более простой и целесообразный метод объединения клочков: он подбирал их просто по цвету и виду бумаги и после продолжительных и упорных усилий, говорят, достиг блистательного успеха».

Коллекционер П. Я. Дашков публикация гоголевских текстов при жизни не сделал. Но советские ученые разобрали большую часть дореволюционных архивов. За последние годы выпущен ряд справочников, в которых указано, где, какой именной архив находится. В частности, бумаги П. Я. Дашкова хранятся в нескольких государственных архивах Москвы и Ленинграда. Автор этих строк уже приступил к их тщательному осмотру. Продолжается и обзор бумаг Шевырева, также систематизированных. Сложнее с бумагами А. П. Толстого, еще не зафиксированными.

В 1953 г. в сборнике «Литературный архив» уже была опубликована находка литературоведа Г. Фридендера — неизвестный ранее эпизод приезда светской львицы Чагравинной в губернию. На проблему дальнейших поисков черновиков второго тома «Мертвых душ» мы смотрим оптимистически.